

УДК 130.2:141.78

А.В. Голозубов

**ГЕРОЙ И ГЕРОИЧЕСКОЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
XX ВЕКА: ОПЫТ ТОТАЛИТАРИЗМА И ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ**

Рассматривается трансформация концепта героя в современной культуре. Выявлен, во-первых, дефицит героизма в обществе потребления и замена героя на антигероя, а затем на культ селебрити в ситуации постмодерна и, во-вторых, политический характер вопроса о героях при тоталитарных и авторитарных режимах. Охарактеризованы основные черты идеологизации героев в тоталитарном обществе.

Ключевые слова: герой, антигерой, тоталитаризм, общество потребления, селебрити.

Постановка проблемы. На протяжении длительного времени украинское культурное пространство находилось на перекрестке различных влияний, но прежде всего тех, источником которых были, с одной стороны, Западная Европа и, с другой стороны, российская, а затем советская империя, то есть государственное образование, которое принято относить к тоталитарным режимам, ставшее объектом политической сатиры в ряде т.н. антиутопий и легшее в основу противопоставления “империи зла” и царства демократии. В то же время последнее представлялось нам как общество безудержного потребления, пренебрегающее нравственными ценностями и духовными запросами. Да и на самом Западе раздавались голоса, ставившие под серьезное сомнение цели и идеалы “буржуазной демократии”. В то время как западноевропейская литература преимущественно констатировала отсутствие положительного идеала в реальной действительности, благодаря средствам других видов искусства, прежде всего кино и музыки, блистали все новые герои экрана и звезды шоу-бизнеса.

Актуальность проблемы. Сейчас, когда некоторые исследователи заявляют о завершении постмодерна и наступлении т.н. постпостмодерна, актуальным представляется исследование трансформаций, происходивших с пониманием места и роли героя и героического, в двух основных социокультурных формах, которые существовали на западе евразийского мира в прошлом столетии, – тоталитарном государстве и “обществе потребления”. Мы являемся свидетелями, как спустя два с лишним десятилетия после падения просоветских тоталитарных режимов в конце 1980-х – начале 1990-х происходит крушение авторитаризма и отстранение от власти харизматических лидеров в ряде стран Африки и Ближнего Востока. Все это вновь ставит вопросы о значении концептов лидера и героя для современной цивилизации.

Предыдущие исследования и публикации. Существует широкий спектр мнений по поводу героического. Одним из первых на тему героического писал Т. Карлейль в сочинении “Герои, почитание героев и героическое в истории” (1841). Австрийский психоаналитик Отто Ранк в своей работе “Миф о рождении героя” (1909) представил прежде всего исследование мифов и снов в рамках парадигмы, основанной на постулатах психоаналитической теории. С. Хук, первое издание книги которого “Герой в истории” вышло в 1943 году, относит концепцию героя к лидерству в современном мире. Он рассматривает не столько само понятие героя, сколько его влияние на мировую историю и искусство, по сути, тип культурного героя [10].

© А.В. Голозубов, 2013

Известный исследователь мифологии Дж. Кэмпбелл в книге “Тысячеликий герой” (1949) выделил в пределах единой мифологемы (мономифа) определенные стадии путешествия героя.

По мнению современного исследователя К. Гилли, “понятие «герой» в корне неоднозначно в современном использовании и обозначает как деятеля, пользующегося особым отношением в своем социуме (или того, кто является членом особого типа сообщества, а именно «героического»), так и фигуру, которая имеет особый статус в произведении искусства, «героя» вымышленной истории. В «Илиаде» и греческой трагедии, в отличие от греческой комедии и современной литературы в целом, центральные, проблемные персонажи неизменно “героические” в обоих смыслах этого слова [8, с. 99]. В последние годы к теме героев, в том числе героев-изгоев обращались также У. Сэвидж, Г. Сил, Керт Л. Штекмессер и др. Б.Ю. Соколова дает обзор нескольких философско-культурологических концепций героизма, уделяя, правда, наибольшее внимание двум из них – романтическому подходу Т. Карлейля и Р. Эмерсона, с одной стороны, и философии Н. Рериха и связанному с его именем религиозно-философскому учению Живой Этики, с другой [3].

Цель статьи. Мы попытаемся рассмотреть сущностные характеристики героического не в пределах ретроспективной философской парадигмы, а в связи с социокультурными реалиями прошлого столетия. В данной статье ставится цель выявления и сопоставления специфики трансформаций представлений о героическом в тоталитарных режимах и обществе потребления.

Основное содержание. Прежде всего хотелось бы отметить следующее. В первых, общество потребления традиционно используется в основном как метафора постмодерного социума в его западной версии. Но в широком смысле определение “общества потребления и развлечения” в значительной степени также можно отнести к советскому периоду, имея в виду не только 1920-е годы, эпоху НЭПа, когда были разрешены различные формы частной инициативы, но и последующие десятилетия, за исключением, возможно, хотя и не наверняка, самого трагического периода – 1930-х годов (из-за тотального террора) и 1940-х (из-за Второй мировой войны и последующей разрухи). Не только И. Ильф и Е. Петров в своих романах “Двенадцать стульев” (1927) и “Золотой теленок” (1931) и Михаил Зощенко в сатирических рассказах конца 1920-х – начала 1930-х годов обличали различные пороки советских граждан, в том числе их желание материального комфорта и финансового благополучия, но и Михаил Булгаков в своем знаменитом романе “Мастер и Маргарита” (1929-1940) издевался над советской культурной элитой и ее неумеренными аппетитами. В романе Торгсин, доступный для счастливых обладателей валюты, и Дом Грибоедова, открытый для владельцев писательских удостоверений, представляют остров потребления в советском неудержимом потоке движения к коммунистическому обществу всеобщего благоденствия и равенства. Здесь нонконформист, интеллектуальный и творческий человек выглядит как шут и отчужденный индивид. В период после Второй мировой войны советское общество, особенно его номенклатурная элита, постепенно стало трансформироваться в сторону растущего потребления на фоне все более тотального дефицита.

По мнению З. Баумана, “потребление является постоянным и неустранимым состоянием и аспектом жизни, не связанным ни временем, ни историей, одним из неотъемлемых элементов биологического выживания, которое мы, люди, разделяем со всеми другими живыми организмами” [5, с. 25]. Потребительство в постмодерном обществе выступает как форма страхования, коллективной ответственности и коллективного участия, форма идентичности и в то же время “редукция” Другого. Заказ товаров из магазина заменяет общение с соседями, а гедоническое стремление определяет путь к лич-

ному счастью. М. Дуглас и Б. Ишервуд полагают, что “так называемые ритуалы потребления являются нормальными знаками дружбы” [7, с. xxii] и рассматривают само потребление как мост между экономикой и антропологией, апеллируя таким образом к “самой активной ветви антропологии, которая сосредоточена на индивидуальных транзакциях” [7, с. 21]. Дуглас и Ишервуд предлагают антропологический учет социального окружения и его влияние на соображения экономического порядка.

Во-вторых, само общество потребления содержит в себе определенные черты тоталитаризма. Ж. Бодрийяр констатирует переход от героев производства к героям потребления, и этот переход “влечет за собой необходимость все более сильного бюрократического принуждения в отношении процессов потребления, которое впоследствии будет все более энергично прославляться как царство свободы” [2, с. 63]. Закономерно, что “общество потребления является в одном и том же плане обществом заботы и обществом репрессии, мирным обществом и обществом насилия” [2, с. 149]. Более того, Бодрийяр называет культурную систему коннотаций, определяющую дискурсивные контуры общества потребления, “тоталитарной” и даже употребляет выражение “тоталитарная этика изобилия”. Ю. Хабермас и другие представители Франкфуртской школы в философии также применяли слово “тоталитарный” к западному образу жизни.

Если в тоталитарных государствах, подобных оруэлловскому из “1984”, война, насилие, направленное против внешнего и внутреннего врага, носят не только перманентный, но и вполне откровенный характер, то в обществе потребления “механизмы и функции войны интегрированы в экономическую систему и в механизмы повседневной жизни” [2, с. 57] неявно. При этом насилие теряет здесь свой героический характер благородного соперничества. Закономерным является мнение одного из Главнуправителей в антиутопии Олдоса Хаксли “Дивный новый мир” (1932) Мустафы Монда, направленной не столько против тоталитарного, сколько техногенного общества, о том, что цивилизация абсолютно не нуждается в благородстве и героизме. Насилие здесь является выходом из состояния тоски, провоцируемого невозможностью в полной мере адаптировать желание к принципу потребности и полезности. Усталость может интерпретироваться “как ответ в форме пассивного отказа со стороны современного человека на описанные условия существования. Но нужно хорошо видеть, что этот “пассивный отказ” является фактически скрытым насилием и что в этом качестве он является только одним из возможных ответов, другие формы которых представляют собой открытое насилие” [2, с. 158].

Таким образом, система тотального бюрократизма, контроля или других форм власти и насилия не может быть атрибутирована исключительно т.н. тоталитарным режимам, а является более широкой метафорой и, возможно, одним из самых мощных мифов XX века. Очень важной категорией, которая определяет для западных интеллектуалов психологические характеристики участника общества потребления, является социальное отчуждение. В обществе потребления витрины становятся образом дара, праздника, лишённого своего ритуального и сакрального смысла, так же как своей карнавальной всеобщности. Общение заменяется потреблением, а наслаждение превращается в обязанность. По словам Мелвина Симана, модель отчуждения состоит из пяти аспектов: бессилия, бессмысленности, отсутствия нормы, социальной изоляции и самоотчуждения [13]. Позже он добавил шестой элемент - культурной отчужденности, хотя этой последней не уделяется много внимания в последующих дискуссиях по поводу работ Симана.

Если проблема отчуждения в полной мере была осознана в западном обществе в XX в., то сама неоднозначность либеральных и демократических ценностей стала очевидной гораздо раньше. Уже А. Токвиль писал об опасностях и противоречиях демок-

ратии в своей знаменитой книге “Демократия в Америке” (1835-1840). Современный исследователь М. Халберстам различает понимание тоталитаризма с точки зрения либеральных ценностей и с позиции внутренней логики самого тоталитарного общества. Халберстам предположил, что логика тоталитаризма связана с логикой современного идеала освобождения. Тоталитарные движения “представили свой проект не как утопический, но как предоставление конкретным лицам способа видения их собственной жизни” [9, с. 59]. Э. Берджесс писал, что мрачное видение Оруэлла являлось “несбыточным идеалом тоталитаризма”. Последний никогда не существовал в том виде, какой ему придал художественный вымысел авторов классических антиутопий прошлого столетия. “Образ тоталитаризма лежит в русле определенных истин и противоречий, присущих либеральной идее в политике и в современной концепции автономного субъекта, которую либерализм помещает в центре своей концепции” [9, с. 59]. Таким образом, тоталитаризм – бегство от одиночества и одновременно от реальности, кульминация процесса отчуждения и потери смысла.

Классик литературы о тоталитаризме Х. Арндт рассматривает тоталитаризм как кульминацию кризиса модернизма, результат рационализации и инструментализации культуры и общества. Тем не менее такая форма организации политической власти может рассматриваться только в связи, в соотношении с либеральными ценностями. Арндт выделяет среди истоков тоталитаризма антисемитизм, империализм, расовый образ мысли до появления расизма, упадок национальных государств, то есть в целом тоталитаризм – продукт развития западной цивилизации. Его основными чертами, по Арндт, являются разрушение всех социальных и семейных связей, атомизация общества, союз толпы и элиты; пропаганда, использование элитных структур, отделенных от реального мира, теневая, реальная власть и фасад; взаимное и тотальное подозрение и провокация, сведение человека к совокупности реакций, наконец, “устранение нравственного начала в человеке”. Тотальный террор выступает как подчинение закону движения “некоей сверхчеловеческой силы природы или истории” [1, с. 603]. Сила духа перед лицом смерти лишается своего социального значения, а значит, смысла. Человек оказывается в изоляции и одиночестве, при этом устраняется возможность превратить одиночество в уединение. Но практически то же самое Э. Фромм и другие западные интеллектуалы говорили о западном обществе.

Бенджамин Л. Алперс обратил внимание на то, что еще Французская буржуазная революция во многом предвосхитила пути развития современных диктаторских режимов. Определенная притягательность по отношению к диктаторству наблюдалась и в самой Америке в 1930-е годы. “Американские производители культурного продукта поставили под сомнение способность функционирования демократии в современном обществе” [4, с. 38]. Небезупречность этого механизма становится еще более очевидной, если мы принимаем во внимание то, что основными его движущими силами являются СМИ. Можно вспомнить, что уже в одноименном фильме Ч. Чаплина власть Великого диктатора (1940) была почти совершенно функцией его отношения к инструментам массовой коммуникации.

Безусловно, несмотря на то что некоторые ключевые элементы общества потребления играют определенную роль и в тоталитарной модели, есть и существенные отличия, кроме политических и экономических прав и свобод. Среди них, на наш взгляд, важное место занимает и право на развлечение, досуг. Если тоталитарные государства почти лишены развлекательной культуры то на демократическом Западе, на протяжении прошлого столетия, напротив, выросла мощная индустрия развлечений, не только породившая культ кинозвезд, но в определенной степени имевшая влияние на формирование имиджа политических лидеров, таких как, например, Джон Кеннеди, Мэрилин

Монро или *Beatles*. На Западе появилось понятие для обозначения этого нового типа героев – так называемые селебрити, или знаменитости. Не только представители масс-медийной сферы общественной жизни, шоу-бизнеса, журналистики стали одними из самых первых и наиболее раскрученных селебрити, но и сами масс-медиа оказались мощным средством создания все новых селебрити из персонажей, далеких от шоу-бизнеса по своей профессиональной деятельности. Радио и телевидение способствовали популярности Эйзенхауэра, сделали звездой Дж. Кеннеди задолго до его трагической гибели. Культ селебрити обозначил процессы демократизации славы, выхода известности за пределы круга аристократии, социальной и интеллектуальной элиты.

Возможно, они были кумирами, восторженное отношение к которым было ограничено определенным сегментом общества или даже целым поколением, и были подвергнуты критике в некоторых аспектах своего творчества своими противниками и соперниками. Тем не менее нам представляется, что вряд ли их можно назвать героями. Западная культура искала героев скорее в прошлом (голливудский жанр пеплум), но в настоящее время она находится под властью либеральных идей открытого общества и гражданских прав, благодаря чему деятельность политических лидеров контролируется различными ветвями власти и общественным мнением. Можно вспомнить скандалы с американскими президентами Р. Никсоном, Б. Клинтонем, свободное издание в США так называемых бушизмов и т.д. Кажется, политические лидеры и спортсмены более склонны быть героями, но скорее в определенные моменты своих достижений и побед. Достаточно трудно долгое время поддерживать интерес к их жизни и восхищение ими. Кроме того, в отличие от идолов и героев селебрити могут быть объектом сатиры.

Общеизвестным постулатом ницшеанской философии и всей культуры XX века стала “смерть Бога”. Не менее известный тезис – “смерть автора” (Р. Барт). Но к этому можно добавить и смерть героического начала во всех сферах жизни. Десакрализованный герой – носитель субъективной морали, лишенной религиозной опоры в нравственном сознании. Уже разоблачение богов якобинцами вело к невозможности богоподобных моделей героизма. В результате “девятнадцатый век потерял веру в саму возможность героев и героизм” [12, с. 89]. В XX в. произошло окончательное разрушение классического образа героя, он перестал быть воплощением маскулинного идеала. Мы можем констатировать появление в голливудских фильмах 1990-2000-х годов женщин, претендующих на героическую модель поведения (например, Эллен Рипли из “Чужого”, Клариса Старлинг из “Молчание Ягнят”, Лара Крофт – расхитительница гробниц из одноименного фильма).

В это же время в Советском Союзе появляется модель нового человека как секулярная фигура, не связанная с религией и моралью. Р.В. Метьюсон отмечает, что “герой, воплощающий советскую модель, живет и действует в рамках непогрешимой доктрины грядущего общественного преуспевания, игнорирующей частную жизнь” [11, с.хvi]. М. Горький видел две необходимые черты в новом человеке: героизм и коллективизм. “Каждый индивид являлся потенциальным героем, имел врожденную полноту жизни, силу и красоту, которые были реализованы путем мобилизации воли и служили трансиндивидуальным целям: обществу, человечеству или ходу истории” [6, с.308]. Особое место в формировании нового человека было отведено литературе. Сталин призвал ведущих советских писателей работать в качестве “инженеров человеческих душ”. Новые герои – шахтеры, трактористы, авиаторы, – все они были “в диалоге с технологией” и все были частью новой исторической общности под названием “советский народ”. В том варианте тоталитарного общества, который был обрисован в антиутопическом жанре, мы тоже видим коллективную судьбу и коллективную ответственность, но лишенные героизма.

В двадцатом веке вопрос о героях стал политическим вопросом, объектом культа в советской общественной жизни. Приветствовался не пессимистический настрой, а уверенность в светлом будущем, боевой и трудовой героизм, преодолевающий все трудности. Происходила героизация политических деятелей прошлого и настоящего (фильмы “Чапаев”, 1934; “Александр Невский”, 1938; “Щорс”, 1939; “Богдан Хмельницкий”, 1941). Они были героями в той степени, в которой являлись воплощением общественных идеалов, были готовы пожертвовать своей жизнью ради этих идеалов и отрицать собственную личность как нечто ценное. В то же время лица, отличавшиеся действительным или мнимым протестным настроением по отношению к официальной идеологии, были объявлены врагами народа, без какой-либо романтизации, иногда в мгновение ока большевистские вожди и популярные военачальники высшего ранга, герои революции и гражданской войны превращались в антигероев, агентов иностранных разведок и т.п. Три идола заняли первое место абсолютно и стали более чем героями, они стали сакральными фигурами для советской идеологии, обладающими непререкаемым авторитетом во всех областях знания, особенно в самый ортодоксальный сталинский период – Маркс, Энгельс и Ленин, хотя до 1956 года центральным объектом нового культа стал сам Сталин. После падения этого столпа пошатнулись и “святая троица” этой новой квазирелигии, потеряв значительную часть своей харизмы.

В советское время героизм получил официальный статус. Звание “Герой Советского Союза” было установлено в 1934 году, “Герой Социалистического Труда” – четыре года спустя, и прославление героев ратного и трудового подвига стало эффективным методом советской пропаганды, хотя иногда доходило и до абсурда (многократное награждение Л.И. Брежнева). После обретения Украиной независимости учреждение звания “Герой Украины” (в 1998 году) повлекло не менее сомнительные эпизоды – достаточно вспомнить историю с присуждением звания Героя Украины лидерам националистического движения С. Бандере и Р. Шухевичу и последующим лишением этого звания через суд. По наблюдению директора Программы исследований современной Украины им. Стасюка в Канадском институте Украины Дэвида Марплса, “ингредиентами мифа о героях УПА являются следующие: идеализм, самопожертвование, храбрость, доблесть и связь со средневековыми героями, казаками” [13, с. 138]. Данная статья не является историческим исследованием, и мы не будем вдаваться в соответствующие детали, подчеркнем только, что при тоталитарных и авторитарных режимах вопрос о героях становится политическим вопросом, направленным на укрепление веры в вождей и их доктрину, а при отсутствии как общегосударственной властной вертикали, так и устойчивой демократической традиции подобные решения способны лишь раскалывать общество, не имеющее общенациональных героев. Если и можно назвать таковых, то в Украине это скорее всего личности, не совершавшие в классическом смысле слова героических поступков, как, например, Тарас Шевченко, явившийся скорее жертвой царизма, чем неутомимым борцом с ним, или другой Шевченко – популярный футболист. Звезды шоу-бизнеса – это отдельный разговор. Что же касается политиков, то вряд ли среди них можно найти личность, одинаково популярную на Западе и Востоке Украины.

Взрыв интереса к героям и героизму, проявившийся в советское время и сменившийся переименованием улиц и уничтожением воздвигнутых этим героям памятников в последующий период украинской истории, – характерная вещь для всех постсоветских стран. Мы полагаем, это объясняется острой потребностью в героях как “столпах” исторической памяти, так же как “хронической” зависимостью “выборки” этих героев от политических факторов тогда и теперь. Иногда массовое сознание порождало или с энтузиазмом воспринимало почитание советских культовых фигур, но в основном ав-

торитет последних поддерживался властью с помощью всех искусств, самым массовым из которых, как известно, было кино.

Советская идеология и вся социальная система как тоталитарная модель стали объектами критики и сатиры на Западе, в том числе в жанре антиутопии, но мы полагаем, что кроме этого, западные антиутопии отражают отсутствие героизма в современном обществе в целом. По той же причине можно констатировать романтизацию новых Робин Гудов как героев, которые выступают против нарушения прав человека, а иногда и против общества потребления в целом (“Враг государства”, 1998, реж. Т. Скотт; “Враг государства № 1”, 2008, реж. Ж.-Ф. Рише и др.), продолжая критическую линию Бодрийера и представителей Франкфуртской школы. Персонаж фильма “Законопослушный гражданин” (2009, реж. Ф.Р. Грей) объявляет войну своим обидчикам, среди которых оказываются как закоренелые преступники, так и представители правоохранительной и судебной системы, городской власти, лично не причастные к его трагедии. Права законопослушного американского гражданина Клайда Шелтона попираются, и в ответ следует месть, на службу которой поставлены изощренный ум Шелтона и различные приспособления и устройства. В свою очередь, мэру плевать на то, какие законы нужно обойти, чтобы схватить Клайда. Каждый становится преступником. К концу фильма в роли мстителя выступает окружной прокурор Ник Райс. В фильме “Враг государства” (2008) перед нами предстает общество всеобщей слежки. Кажется, что все государство направляет все силы на безвинного человека, чтобы уничтожить его ум и его тело: “Они на все пойдут. Абсолютно на все”. Если считать насилием не только физическое принуждение, раны, побои и т.п., но и насилие над разумом и душой, манипулирование сознанием, то мы должны признать существование различных форм такого рода насилия постоянным не только в тоталитарном, но и в западном постмодернистском обществе. Безопасность здесь обеспечивается не для нации, а для государства, не для граждан, а для спецслужб. Фильм Т. Скотта “Гнев” (2004) показывает, что часто государство не в состоянии защитить обычного гражданина.

Конечно, постмодернистское общество декларативно отвергает насилие. Существуют различные конвенции, которые осуждают войну, запрещают жестокое обращение с военнопленными и т.д., но мы видим из новостей, как эти нормы сами по себе могут быть предметом манипуляций и могут нарушаться в зависимости от политических целей заинтересованных сторон (стран). Насилие в антиутопическом государстве является более очевидным, хотя и более тотальным, как физическим, так и моральным. В информационном обществе манипуляции носят более скрытый и сложный характер, и это может привести человека в еще большее отчаяние, отчаяние потерять права человека, включая право быть Сизифом. Советская культура была озабочена страхом перед фантомами общества потребления и благосостояния. Соответственно различные негативные утопии воплотили эти страхи. Но в результате оба типа мировоззрения оказались перед угрозой утраты критического мышления. По обе стороны баррикад нашлись те, кто осознал эти опасности, в том числе связанные с идолизацией популярных личностей и фетишизацией предметов, относящихся к их культуре, и попытался предупредить о них все общество.

Выводы. Анализ трансформаций концепта героя в современной культуре выявляет дефицит героизма и замену героя на антигероя в западном обществе прошлого столетия, а затем на культ селебрити в ситуации постмодерна. При этом противопоставление тоталитаризма и общества потребления при ближайшем рассмотрении оказывается не столь категоричным. В обоих случаях нехватка героического начала сочетается с различными формами явного или скрытого, но перманентного насилия. В тоталитарных и авторитарных режимах вопрос о героях принимает политический характер. В то

же время здесь идолизация значимых для правящей идеологии персонажей из исторического прошлого и политического настоящего часто носит в большей степени характер мифологического, сакрального феномена, чем светского культа героев.

Список литературы: 1. *Арендт, Х.* Истоки тоталитаризма / Ханна Арендт; [пер. с англ.]. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с. 2. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; [пер. на рус. Е. А. Самарская]. – М. : Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с. 3. *Соколова, Б.Ю.* Героїзм у предметному колі філософсько-культурологічних концепцій / Б.Ю. Соколова // *Культура України.* – 2009. – Вип. 27. – С. 94-102. 4. *Alpers, Benjamin L.* Dictators, democracy, and American public culture : envisioning the totalitarian enemy, 1920s-1950s / Benjamin L. Alpers. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2003. – x, 405 p. 5. *Bauman Z.* Consuming life / Zigmunt Bauman. – Cambridge ; Malden, MA : Polity Press, 2007. – 160 p. 6. *Beyond totalitarianism : Stalinism and Nazism compared* / [edited by] Michael Geyer, Sheila Fitzpatrick. – N.Y. : Cambridge University Press, 2009. – 536 p. 7. *Douglas, M., Isherwood, B.* The world of goods : towards an anthropology of consumption : with a new introduction / Mary Douglas and Baron Isherwood. – London ; New York : Routledge, 1996. – xxvii, 169 p. 8. *Gill, C.* Personality in Greek epic, tragedy, and philosophy : the self in dialogue / Christopher Gill. – Oxford ; N.Y. : Clarendon Press, 1996. – 273 p. 9. *Halberstam, M.* Totalitarianism and the modern conception of politics / Michael Halberstam. – New Haven, Conn. : Yale University Press, 1999. – x, 290 p. 10. *Hook, S.* The hero in history : a study in limitation and possibility / Sidney Hook. – N.Y. : Cosimo Inc., 2008. – xx, 187 p. 11. *Mathewson, Rufus W.* The positive hero in Russian literature / Rufus W. Mathewson, Jr. – Evanston, Ill. : Northwestern University Press, 1999. – xix, 369 p. 12. *Pasco, Alan H.* Sick heroes : French society and literature in the romantic age, 1750-1850 / Allan H. Pasco. – Exeter, Devon, UK : University of Exeter Press, 1997. – xvii, 250 p. 13. *Seeman, M.* On the meaning of alienation / Melvin Seeman // *American Sociological Review.* – 1959. – Vol. 24. – No. 6. – pp. 783-791.

Bibliography (transliterated): 1. *Arendt, H.* Istoki totalitarizma / Hanna Arendt; [per. s angl.]. – M.: CentrKom, 1996. – 672 s. 2. *Bodrijjar, Zh.* Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury / Zh. Bodrijjar; [per. na rus. E. A. Samarskaja]. – M. : Kul'turnaja revoljucija, Respublika, 2006. – 269 s. 3. *Sokolova, B.Ju.* Geroїzm u predmetnomu koli filosofsk'ko-kul'turologichnih koncepcij / B.Ju. Sokolova // *Kul'tura Ukraїni.* – 2009. – Vip. 27. – S. 94-102. 4. *Alpers, Benjamin L.* Dictators, democracy, and American public culture : envisioning the totalitarian enemy, 1920s-1950s / Benjamin L. Alpers. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2003. – x, 405 p. 5. *Bauman Z.* Consuming life / Zigmunt Bauman. – Cambridge ; Malden, MA : Polity Press, 2007. – 160 p. 6. *Beyond totalitarianism : Stalinism and Nazism compared* / [edited by] Michael Geyer, Sheila Fitzpatrick. – N.Y. : Cambridge University Press, 2009. – 536 p. 7. *Douglas, M., Isherwood, B.* The world of goods : towards an anthropology of consumption : with a new introduction / Mary Douglas and Baron Isherwood. – London; New York : Routledge, 1996. – xxvii, 169 p. 8. *Gill, C.* Personality in Greek epic, tragedy, and philosophy : the self in dialogue / Christopher Gill. – Oxford ; N.Y. : Clarendon Press, 1996. – 273 p. 9. *Halberstam, M.* Totalitarianism and the modern conception of politics / Michael Halberstam. – New Haven, Conn. : Yale University Press, 1999. – x, 290 p. 10. *Hook, S.* The hero in history : a study in limitation and possibility / Sidney Hook. – N.Y. : Cosimo Inc., 2008. – xx, 187 p. 11. *Mathewson, Rufus W.* The positive hero in Russian literature / Rufus W. Mathewson, Jr. – Evanston, Ill. : Northwestern University Press, 1999. – xix, 369 p. 12. *Pasco, Alan H.* Sick heroes : French society and literature in the romantic age, 1750-1850 / Allan H. Pasco. – Exeter, Devon, UK : University of Exeter Press,

1997. – xvii, 250 p. 13. Seeman, M. On the meaning of alienation / Melvin Seeman // American Socio-logical Review. – 1959. – Vol. 24. – No. 6. – pp. 783-791.

УДК 130.2:141.78

О.В. Голозубов

**ГЕРОЙ І ГЕРОЇЧНЕ В СОЦІОКУЛЬТУРНОМУ ПРОСТОРИ
XX СТОЛІТТЯ: ДОСВІД ТОТАЛІТАРИЗМУ І СУСПІЛЬСТВА
СПОЖИВАННЯ**

У статті розглядається трансформація концептів героя у сучасній культурі. Виявлено, по-перше, дефіцит героїзму в суспільстві споживання і заміна героя на антигероя, а потім на культ селебріті в ситуації постмодерну і, по-друге, політичний характер питання про героїв при тоталітарних і авторитарних режимах. Охарактеризовані основні риси ідолізації героїв в тоталітарному суспільстві.

Ключові слова: герой, антигерой, тоталітаризм, суспільство споживання, селебріті.

UDC 130.2:141.78

A. Golozubov

**HERO AND THE HEROIC IN SOCIAL AND CULTURAL SPACE OF THE XX
CENTURY: THE EXPERIENCE OF TOTALITARIANISM AND THE CONSUMER
SOCIETY**

Transformations of the heroism in the modern culture have been considered in the article. It is revealed, firstly, deficit of the heroism in the consumption society and inverting the hero into anti-hero and then into celebrity in the postmodern situation and, secondly, political character of the heroes' issue in the totalitarian and authoritarian models. The main features of the heroes' idolization in the totalitarian society are considered.

Keywords: hero, antihero, totalitarianism, consumer society, celebrity.

Стаття надійшла до редакційної колегії 16.02.2013